

Сов. кинематограф, 1984, 12 мар., № 54

Николай Мащенко,

народный артист

Украинской ССР:

ДАРИТЬ КРЫЛЬЯ!

Известный широкой публике кинорежиссер Николай Мащенко — автор фильмов «Комиссары», «Как закалялась сталь», «Овод», «Карастояновы». Работы эти проникнуты пафосом революционных битв, отмечены поиском современных решений образа героя-революционера. Кинороманами названы эти фильмы. Его последняя работа — «Парижская драма», киноновелла, три действующих лица, время действия — одна ночь, сюжет — история убийства. Фильм острый, по жанру его можно определить как политический. И сам собой возник вопрос, как видится режиссеру понятие «политический фильм» и как соотносена с ним его новая лента?

— Если по большому счету, то, на мой взгляд, каждый фильм должен быть так или иначе политическим, то есть пропагандировать, нести людям наши коммунистические идеи и идеалы. Вот и постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему повышению идейно-художественного уровня кинофильмов и укреплению материально-технической базы кинематографии» призывает нас, творческих работников, к еще большей ответственности за то, чтобы находящиеся в наших руках мощное оружие служило делу народа, делу коммунизма. У наших советских зрителей неизменным успехом пользуются наиболее яркие кинопроизведения на историко-революционную и военнопатриотическую тему. Это и закономерно, и вместе с тем обязывает нас, кинематографистов, с большей духовной глубиной удовлетворять эту благодатную потребность советских зрителей.

О фильме «Парижская драма» скажу кратко. Сценарий написан по мотивам новеллы американского писателя Э. Твохи «Паспорт для свободы». Мне увидевшись в ней возможность проникнуть в психологию человека, вроде бы тихо и безобидно обитавшего в капиталистическом мире и за одну ночь превратившегося в убийцу. Мы стремились разоблачить эгоцентризм, отношение к человеческой личности как к собственности, порождаемое устройством капиталистического общества. Стремимся, чтобы фильм участвовал в острой идеологической схватке двух миров, утверждал нашу непримиримость по отношению к философии, морали капитализма.

На мой взгляд, политический фильм должен прямо, открыто вторгаться в актуальные проблемы современной политической жизни.

Приходилось слышать, что образ Павки Корчагина, созданный Владимиром Конкиным, идеален, что Артур Риварес — Андрей Харитонов — чрезмерно — безупречен. Тут вопрос принципиальный — о том, каким был сегодня герою экрана.

Поделись недавним впечатлением. Был в одном городе на открытии памятника героям Великой Отечественной войны. Шли к нему ветераны, у каждого грудь в орденах, словно в броне. Шли знатные люди мирного труда. Двигался поток живой красоты человеческой. Подумалось: если бы выстроили тут же героев фильмов о наших днях, снятых за последние годы? Мысленно перебрал этих героев. Вряд ли выглядела бы колонна героев экрана в сравнении с колонной героев жизни.

Как в творчестве дотянуться до величия советского человека, советского народа? Думается, это и есть главная, вбирающая все остальное задача: не упу-

стить и малой доли той высоты, которую день за днем берет народ. Человек советский — уникальное явление. Каким мы призваны своего современника запечатлеть, чему в нем прежде всего должны отдать внимание? Смотришь фильмы, анализируешь суждения, сам участвуешь в дискуссиях и все более укрепляешься в выводе: народу всегда были нужны исключительные, легендарные личности — герои.

Все они воплощали неистребимую веру народа в торжество добра, справедливых отношений между людьми, высокой духовности и нравственности. Нам ли, наследникам тех, кто осуществил вековую народную мечту — совершил революцию, опасаться идеального героя в искусстве, противопоставлять ему «простого смертного»? «Броненосец «Потемкин», «Депутат Балтики», «Земля», «Мать», трилогия о Максиме, все крупные победы нашего кино неотделимы от образов героев, рожденных нашей революцией, нашей борьбой.

Как-то мне довелось повстречать бывшего партизана, имя которого — Чапай, в болгарском городе Велинграде. Их было много в Болгарии в годы Великой Отечественной войны — Чапаевых. Я встретил Семерджиева. Чапай Семерджиев. Его и сегодня так зовут: «Чапай». Спросил: «Скажите, вам это имя дали за совершенные подвиги?» Он ответил: «Э-э, сложнее все было. Сначала мне дали имя «Чапай». Представляете, как сложно было каждым днем борьбы оправдывать это имя».

Идеальный герой не означает: «нереальный герой». Понятие положительного, даже идеального героя вовсе не исключает сложности, противоречий его судьбы, всей действительности. Речь о том, чтобы **объемно** показывать и героя, и действительность. И при коммунизме готовы мы не будем рождаться герои. Будут рождаться обыкновенные мальчики и девочки. Нужен будет и тогда большой путь возмужания, чтобы из них выросли настоящие люди.

Да, моих героев порой упрекают в максимализме. Думаю, что представление о недоступности их высоты, нравственного подвига, подобного подвигам Корчагина или Овода (имею в виду не фильмы — жизнь), возникает из-за того, что все мы зачастую не знаем меры своих нравственных и духовных возможностей. Порой в письмах зрителей звучит прямое признание: «Не знаю, как бы поступил я в положении вашего героя». Хочется сказать тогда: «Не отступайте без попытки взять еще неизвестную вам духовно-нравственную высоту!» Сама попытка одолеть препятствие уже пробуждает в человеке силы, которые раньше были ему неизвестны.

Мы судим о человеке по его делам, результатам усилий. В то же время существуют обстоятельства, при которых верность идеалу — уже деяние.

Конечно, тут важно, от чьего имени выступает герой, кто стоит за ним. Снова вспоминается Болгария, Колофер — город поэта-революционера Христо Ботева. Когда с фильмом «Коммунист» туда приехал Евгений Урбанский, чабаны привели его на поляну, где сто лет назад выступал перед крестьянами Ботев. Потом они говорили: «Мы хотели, чтобы Губанов почитал нам Маяковского там, где Ботев свои стихи читал. Мы не отделили Губанова от артиста Урбанского, так и поняли, что к нам приехал Коммунист».

Вот еще грань влияния героического образа на личность: слитность киногероя и артиста. Когда Евгений Урбанский погиб, о нем в Калюфере печалились до слез: «Не стало Губанова».

Мы не только для себя создаем свое искусство. Оно помогает строить, сражаться, верить всем, кто идет за нами путем Октября. Как-то сказал Феллини: «Вам, советским людям, завидую. У вас есть Октябрь». Каждый фильм, если он о нашей действительности, — фильм об Октябре. Советский человек не просто идет вперед, он продолжает Октябрь.

Во Франции, во время съемок «Карастояновых», мы с Сергеем Федоровичем Бондарчуком не раз слышали об огромном успехе фильма «Судьба человека». До этого в Италии, на съемках «Овода», встретились с итальянским коммунистом по имени Рафаэль. Он всячески помогал нам: предоставил свой выдавший виды автомобиль, носил аппаратуру, даже снялся в массовой сцене. Деньги за это получать наотрез отказался. Рассказал, что, посмотрев «Судьбу человека», долго не мог прийти в себя: «Именно тогда по-настоящему понял, что советский человек, рожденный Октябрем, — это Андрей Соколов, победить его невозможно». Он обратился к Сергею Федоровичу Бондарчуку: «Вы очень счастливый человек, вам удалось воплотить на экране бесмертие своего народа».

На студиях в конце каждого года решаем, какие фильмы назвать лучшими. Опросы зрителей проводят газеты, журналы, а затем называют «фильмы-победители». Но вот за что фильм отнесен к лучшим или к худшим? Как вторгается в жизнь, как готовит советского человека к выполнению грандиозных задач, поставленных партией, необходимых для будущего?

Не всегда мы помним о единстве идеи и морали, свойственном настоящему человеку наших дней. Вроде бы за верные цели сражается директор завода или председатель колхоза, а вот вне служебного кабинета герой мелок, примитивен, в нем не отыщешь искренних движений души, сильных чувств. И тревожит: стал редок на экране человек, наделенный убежденностью истинного коллективиста, способный понять чужую радость, принять на плечи чужую беду.

Всегда ли мы умело воспитываем молодежь? Она не испытала того, что мы испытали, но у нее свои трудности и проблемы. Их нужно понимать, от них нельзя отмахиваться. Молодежь не только будет продолжать нас, она уже сегодня отражает нашу прозорливость.

Да, мы любим молодежь, все отдаем ей. Но важно при этом не переборщить, не лишить своих подопечных самостоятельности, ощущения собственных сил. Как-то среди осени я попал в опустевший пионерский лагерь, и мне навстречу побежала большая птица. Не полетела, а побежала. Птица с огромными крыльями не умела летать. Подобранного птенца так любили пионеры, так тискали его, от всего оберегали... Мясом кормили только вареным, водой пили лишь из-под крана. Не вспомнили что птица стремится ввысь, не поняли что для этого нужны и смелость рывка, и опыт падений.

Как важно, чтобы крылья были ные, способные и поднять человека, удерживать его на взятой высоте, человеку крылья, чувство полета, сокровенный смысл именно в этом.